

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Последняя треба

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Последняя треба / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-519-95266-8

ISBN 978-5-519-95266-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

копченный и съ облупившейся кое-гдѣ позолотой, старенькій дьячокъ на правомъ клиросѣ, два старыхъ трапезника, старый староста у прилавка со свѣчами, — все здѣсь было старое, бѣдное. Вышелъ на амвонъ говорить „отпускъ“ попъ Савелій въ старенькой ризѣ, — и какой попъ — протестъ, а не попъ. Лицо такое скуластое, глаза узкіе, волосы лежали жиденькими косицами. Сколько ему было лѣтъ, трудно сказать, или, вѣрнѣе, — лѣтъ не было. Бываютъ такіе люди. Лѣснику показалось, что и попъ Савелій посмотрѣлъ въ его сторону враждебно.

Воспользовавшись перерывомъ въ службѣ, лѣсникъ протискался впередъ, къ самому амвону. Толпа шушукалась, особенно бабы, но никто не расходился въ ожиданіи.

— Зачѣмъ сюда змѣя-то принесло? — слышался шопотъ за спиной лѣсника.

Но онъ не обернулся, а смѣло направился въ алтарь, тяжело ступая по деревянному амвону. Въ пономарскихъ дверяхъ его грубо остановилъ старый трапезникъ.

— Куда прешь?

— Мнѣ бы отца Савелья... Значить, тово...

Въ этотъ моментъ вышелъ самъ попъ Савелій; онъ былъ въ новенькомъ люстриновомъ подрясникѣ и такой же рясѣ.

— Чего тебѣ, Евтропъ?.. — спросилъ отецъ Савелій, давая благословеніе громадному человѣку.

— Жена помираетъ... неблагополучно разрѣшилась... значить, тово... — бормоталъ лѣсникъ со слезами въ голосъ. — Съ вечера мается и помереть не

можетъ... За тобой послала, потому хоть и баба, а христіанская душа...

— Что же я подѣлаю, Евтропъ: сейчасъ начинается обѣдня... Народъ ждетъ. Съѣхались изъ дальнихъ деревень. Вотъ кончу обѣдню, тогда и поѣду.

— А ежели Парасковья-то помретъ?

— Послѣ обѣдни поѣзжай, отецъ...—загалдѣли окружавшіе ихъ мужики.—Тоже не мало народу ждетъ.—Не одна твоя Парасковья. Бабы живучи, обождетъ.

Въ голосахъ слышалось скрытое озлобленіе. Евтропъ это чувствовалъ и посмотрѣлъ своими умоляющими глазами на отца Савелья.

— Помираетъ, говоришь?—спрашивалъ попъ, перебирая полу своей ряски.—Этакій грѣхъ... грѣхъ...

— Пластомъ лежитъ... Слезно молила привезти попа, потому смертный часъ пришелъ Парасковѣ... Какъ она маялась...

Голосъ Евтропа оборвался, и онъ кулакомъ вытеръ слезу. Отецъ Савелій опустилъ глаза и вздохнулъ. Какъ же быть-то, въ самомъ дѣлѣ? Ему вдругъ сдѣлалось жаль вотъ этого громаднаго мужика, въ которомъ сказалось такое близкое горе... А тамъ ждетъ умирающая послѣдняго напутствія. Одна, въ лѣсной избушкѣ... считаетъ минуты... прислушивается къ каждому шороху... Отецъ Савелій обвелъ глазами свое словесное стадо и снова опустилъ глаза. Всѣ были противъ лѣсника и не отпускаютъ его, а идти противъ міра онъ не могъ.

— Ахъ, какой грѣхъ!.. Такъ помираетъ твоя Пра-

сковья?—повторилъ отецъ Савелій, поднимая глаза на Евтропа.—Кто же тамъ, на кордонѣ?

— Да она не одна... Танька при ней. Восьмой

годъ Танькѣ-то пошелъ въ Петровки. Ну, мальчонко... Ужъ больно она маялась, пока Господь разрѣшилъ...

Наступила длинная пауза. Мужики угрюмо молчали, переминаясь съ ноги на ногу. Евтропъ сму-

ценно перебиралъ въ рукахъ свой оленій треухъ и не двигался.

— Такъ уже, видно, тово...—заговорилъ отецъ Савелій, разглаживая свою бородку.—Послѣ обѣдни, значить... Главное, народъ ждетъ. Сейчасъ къ обѣднѣ будутъ благовѣститъ, а послѣ обѣдни и поѣдемъ. До кордона не меньше десяти верстъ будетъ.

Священникъ сдѣлалъ знакъ старшему трапезнику, чтобы тотъ шелъ на колокольню. Это движеніе испугало Евтропа. Онъ схватилъ батюшку за широкій рукавъ рясы и проговорилъ хриплымъ шопотомъ:

— Живые-то подождутъ, отецъ, а Парасковья помираетъ... ждетъ она...

Тутъ произошло что-то особенное. Старикъ трапезникъ пошелъ по лѣвой бабьей сторонѣ и точно завязъ. Его не пускали ни назадъ, ни впередъ. Бабы окружили его живой стѣной, какъ овцы. Старикъ пробовалъ раздвинуть толпу, размахивалъ руками, уговаривалъ, но все было напрасно.

— Да вы очумѣли никакъ!—вступился староста, пробиваясь на выручку застрявшему трапезнику.

— А не твое дѣло...—отрѣзала ему ближайшая бабенка, отталкивая руками.—Попробовалъ бы самъ бабью-то муку принять...

Это послужило сигналомъ. Бабы зашумукали всѣ разомъ, гдѣ-то слышались причитанья, стоны и всхлипыванья.

— Мы обождемъ, —крикнулъ изъ толпы старушечій голосъ.—Поѣзжай съ Богомъ, отецъ Савелій... Не таковое это дѣло, чтобы мужиковъ слушать.

Мужики смущенно молчали. Отецъ Савелій огля-

нулъ толпу и понялъ, что ему слѣдовало дѣлать. Онъ отправился въ алтарь, помолился: взялъ походную дарохранительницу, надѣлъ старенькую баранью шубенку и опять вышелъ на амвонъ. Здѣсь онъ подошелъ къ мѣстному образу Богоматери и помолился. Онъ любилъ этотъ образъ: какой кроткій ликъ смотрѣлъ на его паству, а тутъ еще предвѣчный Младенецъ съ простертыми руками.

Толпа разступилась, когда отецъ Савелій, заплетаясь въ своей шубенкѣ, быстрыми шагами пошелъ къ выходу. Евтропъ шагаль за нимъ, опустивъ голову. Жгучее чувство тоски у него смѣнилось какой-то смутной надеждой... А, можетъ быть, Господь помилуется для сиротъ? Вѣдь трое ихъ, сиротъ-то, съ новорожденнымъ. Ахъ, скорѣе, скорѣе: Парасковья ждетъ.

Разъ рѣшеніе состоялось, никто больше не спорилъ. Мужики толпой вышли проводить священника. У церковной ограды, потонувшей въ глубокомъ снѣгу, была привязана Лысанка, знаменитая лошадь Евтропа, ходившая за нимъ, какъ собака. Это была самая неуклюжая тварь, самой невозможной масти, точно вымазана была сметаной, и вдобавокъ съ бѣлыми глазами, что придавало ей глупо-дикій видъ. Евтропъ хотѣлъ садиться въ свои сани, когда его остановили.

— Куда ты лѣзешь, дуrolомъ?!

Евтропъ ничего не понималъ. Мужики обступили лошадь и вырѣшили все дѣло.

— Отецъ Савелій поѣдетъ одинъ, потому какъ Лысанкѣ двоихъ-то васъ везти не подь силу, пожа-

луй, будетъ... Убродно сейчасъ ѣхать, а Лысанкѣ надо еще два конца сдѣлать. Доѣдешь одинъ-то, попъ?

— Какъ не доѣхать, доѣду, — согласился священникъ, запахивая свою шубенку.

— Повертка будетъ на шестой верстѣ, такъ ты держи правой руки... — совѣтовали мужики, усаживая попа въ сани. — Ну, съ Богомъ! Да ты, тово, отецъ, распашнемъ не ѣзди... Вотъ тебѣ опояска. Вонъ какъ погода-то завиваетъ... Помни поворотку-то.

Кто-то снялъ опояску, и ею опоясали священника. Чья-то рука поставила воротникъ, другая нахлобучила баранью шапку на самые уши, и онъ былъ готовъ. Отвязанная Лысанка взглянула на хозяина, брыкнула задними ногами и не хотѣла идти. Двое мужиковъ подъ уздцы вывели проклятую скотину на дорогу, двое другихъ пристегнули ее, и Лысанка рванулась такъ, что священникъ едва усадѣлся.

— Съ Богомъ!

II.

Зимняя вьюга выла волкомъ. Кругомъ было темно, какъ въ трубѣ. Сухой снѣгъ переносился съ мѣста на мѣсто, какъ толченное стекло. Полозья скрипѣли, точно ихъ кто хваталъ зубами. Однимъ словомъ, настоящая волчья ночь. Но попъ Савелій ничего не боялся: развѣ въ первый разъ ему приходилось ѣхать съ требой въ такую погоду?

Отѣхавъ, онъ оглянулся на церковь. Она свѣт-

лѣла въ снѣгу, какъ фонарь. Батюшка выпросталъ правую руку изъ мѣховой рукавицы и перекрестился. Онъ любилъ свою деревянную церковь, какъ родную мать. А вонъ, въ сторонѣ и церковный домикъ, замеченный сугробами... Въ одномъ окнѣ чуть брезжилъ слабый свѣтъ отъ лампадки. Село Полома совсѣмъ затерялось въ глухомъ лѣсу. Всѣхъ дворовъ не наберется и двухъ сотенъ. Они разбрелись по обоимъ берегамъ лѣсной рѣчушки Поломки. Кое-гдѣ мелькали веселые огоньки. Это проворныя старухи затопляли печи. Давно ужъ живетъ отецъ Савелій въ своей Поломѣ и знаетъ каждую избу, каждую бабу, каждую скотину. Приходъ самый бѣдный, но отецъ Савелій не жаловался и не пошелъ бы на другое мѣсто ни за какія деньги. Его привязала къ Поломѣ родная могила... Поступилъ онъ сюда на мѣсто еще совсѣмъ молодымъ и похоронилъ молодую жену на второмъ году. Умерла Савельева попадая отъ родовъ, какъ теперь умирала жена лѣсника Евтропа. Это совпаденіе заставило попа отнестись особенно сочувственно къ горю Евтропа: родное было горе, знакомое. Да и день-то какой выдался. Одинъ разъ родится Христосъ въ году, для всѣхъ родится, чтобы былъ „на землѣ миръ и въ чловѣцѣхъ благоволеніе“. Любилъ отецъ Савелій этотъ праздникъ, когда Христосъ приходилъ въ міръ, Тотъ Христосъ, Который лежалъ въ ясляхъ, Котораго окружали бѣдные пастухи.

Когда сани спустились къ Поломкѣ, Лысанка сдѣлала отчаянную попытку вернуться назадъ,— она стремительно бросилась въ сторону и налегла всей

тушей на оглоблю, попъ во время ухватился за вожжу и во время ударилъ упрямую скотину хлыстомъ. Лысанка взмахнула хвостомъ, брыкнулась и полетѣла впередъ.

Лѣсъ начинался сейчасъ же за селомъ,—онъ обошелъ всю стройку живой зеленой стѣной. Поломскіе мужики не имѣли даже пашень, потому что земля была холодная, неродимая. Только кое-гдѣ на поляхъ сѣяли ячмень. Промышляли охотой, рыбными ловлями, а главное—сплавляли лѣсъ на Каму. Кругомъ Поломы, по лѣсамъ и болотамъ, разсыпались мелкія деревушки, починки, половинки и займища. Все это жилье тянуло къ Полумъ, гдѣ была и церковь, и волость, и кабакъ. Лысанка сама свернула на глухую лѣсную дорогу, закусила удила и понеслась легкой, развалистой рысью. Сани были простыя, крестьянскія „кресла“, т. е. дровни, съ широкими отводами, перепутанными веревками. На такихъ „креслахъ“ возили и сѣно, и дрова. Главное неудобство заключалось въ томъ, что въ „креслахъ“ продувало со всѣхъ сторонъ, несмотря на положенное сѣно. Но отецъ Савелій не замѣчалъ холода, проникнутый одной мыслью; мыслью объ умирающей женщинѣ, которая ждала его въ лѣсу.

— Ну, Лысанка, трогай!..—понукалъ попъ, хлопая лошадь вожжей.—Что задумываешься?..

Только въ одномъ мѣстѣ отецъ Савелій забылъ и про Лысанку, и про ожидавшую его больную. Это было въ полуверстѣ отъ Поломы, гдѣ среди лѣса выдалась широкая поляна. Здѣсь было кладбище, и здѣсь была похоронена молодая Савельева попадья.

Онъ придержалъ лошадь, перекрестился и благословилъ торчавшіе изъ-подъ снѣга деревянные кресты. Это была нива Божія... Ахъ, сколько зарыто тутъ горя, заботъ и оиять горя! Какъ плакали здѣсь лѣсные мужики и лѣсныя бабы. Только зеленый лѣсъ зналъ ихъ причеты и плачи... Сюда же приходили передъ вѣнцомъ невѣсты-сироты, чтобы попросить у родимаго батюшки, у родимой матушки послѣдняго благословеньца. Жалобнѣ этихъ невѣстиныхъ плачей и заплачекъ ничего не было... Если бы этимъ слезамъ сила, такъ разступилась бы сама мать сыра земля.

— Лысанка, ступай скорѣе!..

Сжалось батюшкино сердце отъ земного горя, и вспомнилась непрощенная слеза, которую Евтропъ вытиралъ своимъ кулакомъ.

— Лысанка, скорѣе...

А какой лѣсъ кругомъ: въ небо дыра. Мохнатые ели стояли точно въ дорогихъ шубахъ, протянувъ надъ дорогой лапистыя вѣтви. Вѣтеръ въ лѣсу былъ тише, только что-то гудѣло въ вершинахъ. Дорога шла корытомъ. Кое-гдѣ образовались свѣжіе снѣжные заносы, и Лысанка съ трудомъ тащила сани. На половинѣ дороги она вспотѣла. Паръ такъ и валить съ крутыхъ боковъ. Но отецъ Савелій ничего не замѣчалъ и все посылалъ ее впередъ. На поворотѣ, гдѣ нужно было взять вправо, Лысанка завязла въ снѣгу. Дорогу здѣсь перемело до того, что пришлось ѣхать цѣлиною. Снѣгъ, сгрудившись подъ передкомъ, не давалъ ходу. А давно ли Евтропъ проѣхалъ...

— Лысанка, впередъ!..